

— Воистину, — печально сказал Володин, — мир этот подобен горящему дому.

— Какой там горящий дом, — с готовностью отозвался Шурик. — Пожар в бардаке во время наводнения.

— А что делать? Жить-то надо, — сказал Колян. — Скажи, Володин, а ты в конец света веришь?

— Это вещь строго индивидуальная, — сказал Володин. — Вот шмальнет в тебя чечен какой-нибудь, и будет тебе конец света.

— Еще кто в кого шмальнет, — сказал Колян. — А как ты полагаешь, правда, что всем православным амнистия будет?

— Когда?

— На страшном суде, — сказал Колян тихо и быстро.

— Ты чего, во все это фуфло веришь? — недоверчиво спросил Шурик.

— Не знаю даже, верю или нет, — сказал Колян. — Я раз с мокрухи шел, на душе тоска, сомнения всякие — короче, душевная слабость. А там ларек с иконками, книжечки всякие. Ну я одну и купил, "загробная жизнь" называется. Почитал, что после смерти бывает. В натуре, все знакомое. Сразу узнал. Кэпээ, суд, амнистия, срок, статья. Помереть — это как из тюрьмы на зону. Отправляют душу на такую небесную пересылку, мытарства называется. Все как положено, два конвойных, все дела, снизу карцер, сверху ништяк. А на этой пересылке тебе дела шьют — и твои, и чужие, а ты отмазываться должен по каждой статье. Главное — кодекс знать. Но если кум захочет, он тебя все равно в карцер засадит. Потому что у него кодекс такой, по которому ты прямо с рождения по половине статей проходишь. Там, например, такая статья есть — за базар ответишь. И не когда базарил где не надо, а вообще, за любое слово, которое в жизни сказал. Понял? Как на цырлах ни ходи, а посадить тебя всегда есть за что. Была б душа, а мытарства найдутся. Но кум тебе срок скостить может, особенно если последним говном себя назовешь. Он это любит. А еще любит, чтоб боялись его. Боялись и говном себя чувствовали. А у него — сияние габаритное, крылья веером, охрана — все дела. Сверху так посмотрит — ну что, говно? Все понял? Я почитал и вспоминаю: давно, еще когда я на штангиста учился и перестройка была, что-то похожее в "Огоньке" печатали. И вспомнил, а как вспомнил, так вспотел даже. Человек, значит, при Сталине жил, как теперь после смерти!

— Не въехал, — сказал Шурик.

— Смотри, при Сталине после смерти атеизм был, а теперь опять религия. А по ней после смерти все как при Сталине. Ты прикинь, как тогда было. Все знают, что по ночам в Кремле окошко горит, а за ним — Он. И он тебя любит как родного, а ты его и боишься до усеру, и тоже как бы любить должен всем сердцем. Как в религии. Я про Сталина почему вспомнил — стал думать, как так можно — бояться до усеру и одновременно любить всем сердцем.

— А если ты не боишься? — спросил Шурик.

— Значит, страха Божия не имеешь. А за это — карцер.

— Какой карцер?

— Там про это немного написано. Главное, тьма там и скрежет зубовой. Я как прочел, полчаса потом думал, какие у души зубы. Чуть крыша не съехала. Потом дальше стал читать. Так понял, что если говном вовремя назовешься, даже не назовешься, а в натуре поймешь, что всегда говном был полным, тебе амнистия выйдет — в рай пустят, к нему. Главный кайф у них, как я понял, на кума все время смотреть, как он на трибуне парад принимает. И ничего им больше не надо, потому

что там или это, или зубами у параши скрипеть, и все. И главное, сука, главное в этом деле то, что другого и быть ничего не может — или на верхние нары, или в карцер. Короче, всю систему просек. Только не въехал, кто так придумал круто? Володин, ты как думаешь?

— Ты Глобуса помнишь? — спросил Володин.

— Который банкиром стал? Помню, — ответил Колян.

— Я тоже помню, — сказал Шурик, отхлебывая освобождающей жидкости из своей фляжки с рельефом. — Сильно перед смертью поднялся. На "поршаке" ездил, цепи на нем по пять кусков каждая были. По телевизору показывали — спонсор, ху мо, все дела.

— Да, — сказал Володин, — а как в Париж приехал за кредитом, знаешь, что сделал? Пошел с их банкиром в ресторан, чтоб за столом по душам поговорить. А сам нажрался, как в "Славянском базаре", и давай орать: "официант, двух педерастов и ведро чифиря"! Он сам голубым не был, просто на зоне...

— Мне-то объяснять не надо. Чего дальше было?

— Ничего. Принесли. И привели. Там ведь рынок.

— А кредит дали?

— Не в том дело, дали или не дали. Ты подумай, раз он в таких понятиях жизнь кончил, то он, выходит, с зоны никогда и не выходил на самом деле. Просто так поднялся, что на "поршаке" по ней ездить стал и интервью давать. А потом на этой зоне даже свой Париж нашелся. Так вот если бы этот Глобус со своим чифирем и педерастами о загробной жизни задумался, что бы ему в голову пришло?

— Да он о таком сроду не думал.

— Ну а если бы подумал? Если он ничего кроме зоны не знает, а к высшему, к свету, как всякий человек, тянется, что бы он себе представил?

— Не пойму тебя, — сказал Колян, — куда ты клонишь. Какой высший свет? Пугачева что ли с Киркоровым? Никогда он не тянулся ни в какой высший свет, а вот вышка ему в натуре светила.

— А я понял, — сказал Шурик. — Если бы Глобус о загробной жизни думать стал, он точняк эту твою брошюру себе бы и представил. Да и не только Глобус. Ты, Коль, сам подумай — у нас же страна зоной отродясь была, зоной и будет. Поэтому и Бог такой, с мигалками. Кто тут в другого поверит?

— Тебе чего, страна наша не нравится? — строго спросил Колян.

— Почему, нравится. Местами.

Колян повернулся к Володину.

— Слышь, а Глобусу тогда в Париже кредит дали?

— Вроде дали, — сказал Володин. — Банкиру этому все понравилось очень. С педерастами у них там всегда нормально было, а вот чифиря не пробовали. Он там даже в моду вошел, называется чай а-ля рюсс нуво.